

УДК 323(470+571):327.83:316

В. Б. Звоновский
ЛЮБЯТ ЛИ РОССИЯНЕ «ИНОСТРАННЫХ» АГЕНТОВ?

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович – кандидат социологических наук, Фонд социальных исследований. E-mail: zvb@fond.sama.ru.

Аннотация: Статья основана на результатах исследования, проведенного в 2012 г. Фондом социальных исследований, посвященного влиянию правоохранительных органов или некоммерческих организаций на соблюдение законности. Приводится индекс сравнительной эффективности влияния иностранных государств и российских правоохранительных органов для различных социальных групп. Рассмотрены возможные причины полученных результатов. Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Ключевые слова: Некоммерческие организации, правоохранительные органы, иностранные агенты, элиты.

Дискуссия вокруг новой редакции Федерального закона о некоммерческих организациях, финансируемых из-за рубежа, сконцентрировалась вокруг понятия «иностранный агент». Часть дискутантов исходила из того, что данный термин носит в нашей культуре, в том числе политической и литературной, однозначно негативный оттенок. Во-первых, по причине определяемой самим термином «иностранный», т. е. тот, кто «не наш», «чуждый», и если не «враждебный», то не «дружеский». Во-вторых, практика использования этого слова в Советской России XX в. означала, как минимум, опалу и высылку из страны, а чаще всего физическое устранение уличенного в связях с иностранными центрами влияния.

Оппоненты этой, назовем ее традиционной, точки зрения справедливо указывали, что столь острое противопоставление «своего» и «чужого», «иностранного» возможно лишь в рамках довольно жесткой идеологии, подкрепленной вполне определенной социально-политической практикой. Сегодня, когда такой практики и цементирующей ее идеологии уже нет, обнаруживается дефицит идентичностей, формирующих национальное единство. Поэтому и разделение на «российское» и «иностранное» очень неустойчиво, неопределенно и дифференцировано в различных социальных группах.

Исследование, проведенное в 2001 г., показало, что российское население и российская политическая и информационная элита существенно отличаются в своем отношении к США и Западу в целом [3]. Население страны воспринимает собственную политическую власть в большей степени связанную обязательствами и деловыми контактами с мировой, в первую очередь западной, элитой, чем с собственными избирателями. Публицистически заостряя, можно сказать, что массовое сознание воспринимает российское правительство (в широком смысле этого слова) отчасти как филиал общемирового правительства. Миф о вашингтонском обкоме реально управляет социальным поведением значительной части россиян [2].

© Звоновский В.Б., 2013

Следствием этой гипотезы должно быть терпимое отношение к организации иностранными силами повседневной жизни в России, если такая организация признается массовым сознанием справедливой. Это не обязательно должно быть непосредственное присутствие здесь каких-то иностранных граждан («варягов», «буржуазных специалистов» и пр.) или организаций, не говоря уже об интервенции. Это может быть копирование или перенос отдельных социальных институтов, норм и ролей в российскую практику, в том числе посредством иностранных агентов или НКО, финансируемых из-за рубежа. Например, это может быть обучение техникам наблюдения за проведением выборов и голосования, способам контроля потребителей за качеством продукции, продаваемой в розничных сетях, возможностям борьбы за права инвалидов, женщин или детей.

В данном случае статус иностранного агента, возможно, не будет стигматизировать его обладателя в глазах российского общественного мнения, а будет, напротив, знаком качества его деятельности. И в сравнении с ними деятельность российских государственных социальных институтов будет признаваться недостаточно эффективной.

Для сравнения оценки эффективности воздействия государственных и негосударственных акторов на организацию повседневной жизни в стране использовалась следующая формулировка: «По-Вашему, кто сегодня в большей степени способствует соблюдению законности в нашей стране: российские правоохранительные органы – полиция, суд, прокуратура, или правозащитные и экологические некоммерческие организации?». Поскольку одним из ключевых факторов, формирующих отношение к некоммерческим организациям, является термин «иностранная агент», части респондентов была предложена другая формулировка: «По-Вашему, кто сегодня в большей степени способствует соблюдению законности в нашей стране: российское государство в лице правоохранительных органов – полиции, суда и прокуратуры, или иностранные государства, финансирующие правозащитные и экологические некоммерческие организации?».

В период с 17 по 20 июля 2012 г. Фонд социальных исследований с помощью системы автоматизированного компьютеризированного телефонного интервью провел опрос жителей Тольятти. Всего опрошено 500 респондентов. Выборка репрезентирует население Тольятти старше 18 лет по полу, возрасту и району проживания. Средняя продолжительность одного интервью составила 13 минут. Для более корректного сравнения используемого инструмента (различных формулировок вопроса) выборка была разделена на две подвыборки, каждая из которых репрезентировала население города по указанным признакам [1].

Более трети (35%) жителей Тольятти в альтернативе «российское государство – иностранное государство» предпочли первое (рис. 1). Лишь 12% тольяттинцев полагают, что иностранные государства через своих агентов оказывают на соблюдение законности более благотворное воздействие, чем отечественные правоохранительные органы. Иначе говоря, на троих уверенных в эффективности работы собственного государства приходится примерно один полагающий, что лучше с этой задачей справляются иностранные государства. Остальные 53% затруднились ответить¹¹.

---

¹¹ Как показал специальный анализ, вариант «затрудняюсь ответить» был сформирован в значительной степени теми респондентами, кто считал, что никто не способствует соблюдению законности в России.

Рисунок 1 - Распределение считающих, что на соблюдение законности более благотворное влияние оказывают правоохранительные органы или некоммерческие организации при разных формулировках вопроса
(% в группах, Тольятти, июль 2012 г.)

Казалось бы, возможности государственных институтов именно в сфере правоохранительной деятельности должны были бы продемонстрировать высокую конкурентоспособность организованного государственного воздействия. При всем этатизме российского массового сознания, о котором так много пишут и который так хорошо виден невооруженным глазом, значительная часть горожан считает, что существуют сферы повседневной жизни, где организации, представляющие гражданское общество не только полезны, но и более эффективны, чем государственные институты.

Если из формулировки вопроса изъять термин «иностранное государство» и оставить респондентам выбор между «правоохранительными органами» и «некоммерческими организациями», то данное соотношение меняется на примерно 2 к 1. При этом доля сторонников «национального суверенитета» остается практически без изменений – 36%, а вот доля тех, кто выступает за вмешательство гражданского общества в правоохранительную деятельность, возрастает с 12% до 17% за счет неопределившихся. Вероятно, использование терминов «иностраный агент», «иностранное государство» для какой-то части населения города действительно значимо и при этом маркировано негативно.

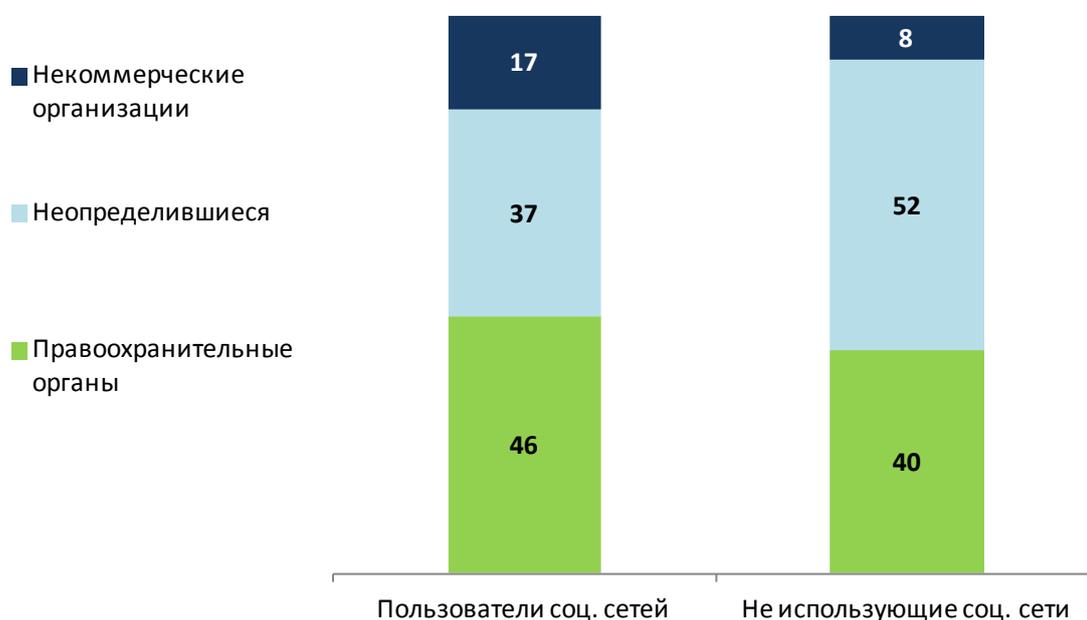
Как видим, значительная часть горожан полагает, что в реальной жизни иностранные государства более эффективно способствуют соблюдению законности на территории России, т. е. там, где, по крайней мере, формально неограниченным суверенитетом обладают российские правоохранительные органы и власть в целом. Речь идет, разумеется, не о непосредственном присутствии на территории страны уполномоченных на то лиц, как если бы это было оккупацией, а об опосредованном воздействии через общественные организации и легитимное и формально суверенное правительство. Иначе говоря, в российском массовом сознании соблюдение законности помимо национального суверена

обеспечивает наднациональная юрисдикция, по сути представляющая собой еще одну эманацию вашингтонского обкома.

Июльская волна данного исследования проводилась до активного освещения в российских СМИ принятия Конгрессом США «акта Магнитского», претендующего на выполнение юридических функций в отношении российских граждан в предположении, что российские органы правосудия с этой задачей не справились. Обе волны исследования были закончены еще до того, как российские граждане стали активно участвовать в сборе подписей за запрет въезда членов Государственной Думы на территорию США, т. е. требовали от властей другой страны выполнения функций в отношении собственных граждан. И то, и другое – следствие существования мифа о вашингтонском обкоме в массовом сознании россиян.

Как показывает специальный анализ, при выборе между «российским» и «иностраным» респонденты, выбравшие бы вариант «экологические и правозащитные организации», предпочитают давать неопределенные ответы. Использование термина «иностраный» как конкурента «русской» правоохранительной системе снижает привлекательность такого конкурента, но не увеличивает преимущества собственной власти. Подобное воздействие сильнее всего отражается на оценках социальных групп, использующих традиционные каналы массовой коммуникации, но не погруженных в специфически политическую повестку дня.

Во второй волне исследования, реализованной в ноябре 2012 г., применялся вариант с использованием термина «иностраный», поскольку эта формулировка в большей степени поляризует ответы респондентов.

Рисунок 2 - Динамика сравнительной оценки влияния иностранных государств и российских правоохранительных органов на соблюдение законности в стране¹²
(% в группах, Тольятти, июль – ноябрь 2012 г.)

¹² Вопрос: «По-Вашему, кто сегодня в большей степени способствует соблюдению законности в нашей стране: российское правительство в лице правоохранительных органов – полиции, суда, прокуратуры – или иностранные государства, финансирующие российские правозащитные и экологические некоммерческие организации?».

Рисунок 3 - .Распределение считающих, что на соблюдение законности более благотворное влияние оказывают правоохранительные органы или некоммерческие организации среди тех, кто использует и не использует социальные сети (% в группах, Тольятти, ноябрь 2012 г.)

Рисунок 4 - Распределение считающих, что на соблюдение законности более благотворное влияние оказывают правоохранительные органы или некоммерческие организации среди аудитории различных телевизионных программ (% в группах, Тольятти, ноябрь 2012 г.)

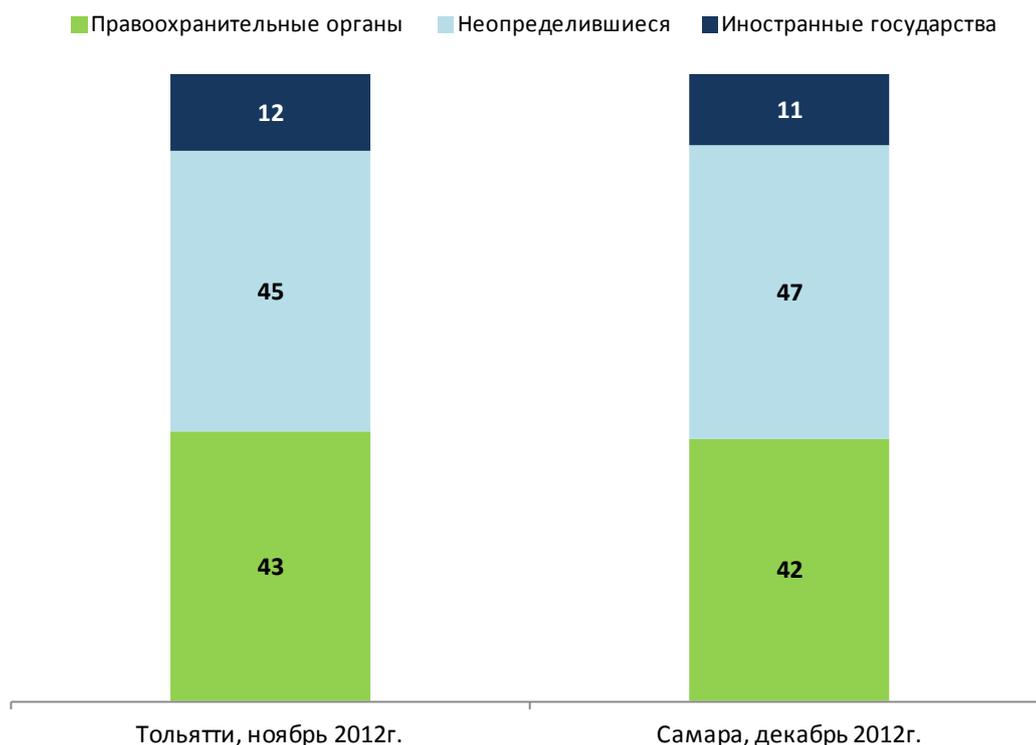
Как видно на рисунке 2, за прошедшие 4 месяца доля полагающих, что иностранные государства эффективнее борются с соблюдением законности в России, чем российские

правоохранительные органы, не изменилась (12%). А вот доля отдающих приоритет внутренним – во всех смыслах – органам существенно возросла – с 35% и 43% соответственно.

Два проведенных измерения разделила отставка министра обороны В. Сердюкова в связи с коррупционным скандалом и подозрениях в растрате больших сумм бюджетных денег. Можно предположить, что отставка и начало следствия сказались положительным образом на представлениях россиян о российской правоохранительной системе. Правда, отношения к иностранным источникам законности это никак не изменило.

В декабре 2012 г. аналогичное измерение было проведено среди жителей Самары. Его результаты значимо не отличаются от полученных в соседнем Автограде. Примерно каждый восьмой (12%) самарец полагает, что иностранным государствам удается в большей степени способствовать законности в России, чем местной правоохранительной системе. Противоположной точки зрения придерживаются 42% горожан. Как видим, никаких значимых различий между оценками населения двух крупных городов нет.

Доля уверенных в том, что российские правоохранительные органы способны содействовать соблюдению законности в стране, возросла среди включенных в социальные сети (с 34% до 46%), а вот среди тех, кто не имеет в них своих аккаунтов, она значимо не изменилась (с 36% до 40%). Вероятно, информация, доступная в социальных сетях между июлем и ноябрем, сумела оказать существенно более глубокое влияние на горожан.

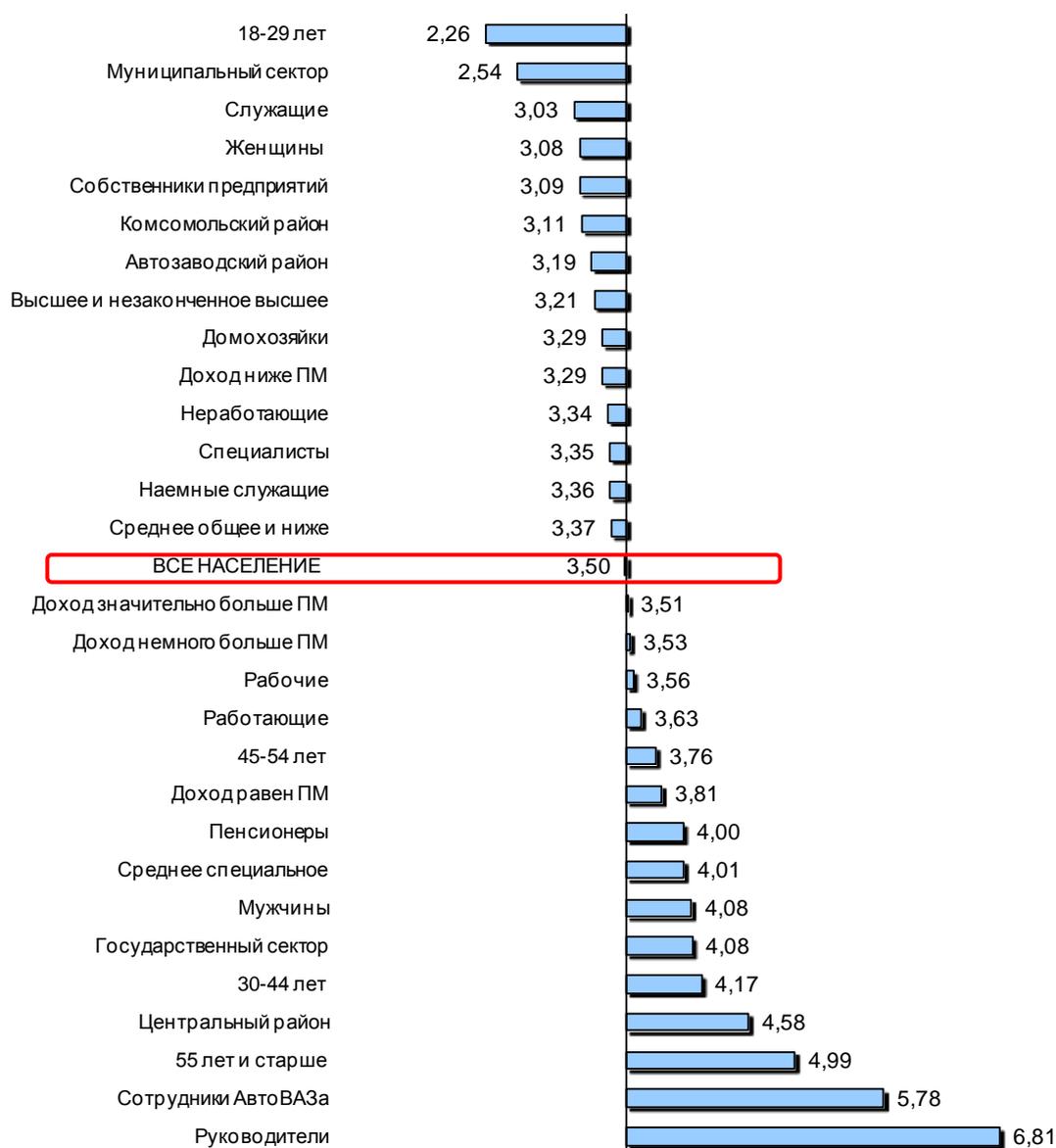

Рисунок 5 - Распределение считающих, что на соблюдение законности более благотворное влияние оказывают правоохранительные органы или некоммерческие организации среди аудитории различных телевизионных программ (% в группах, Тольятти, ноябрь 2012 г.)

Возросла доля уверенных в отечественных правоохранителях в аудитории развлекательных каналов (с 30% до 44%), при незначимом изменении этого показателя в

других телевизионных аудиториях. Скорее всего, данная пограничная группа между теми, кто внимательно следит за политической сферой (аудитория новостных передач), и теми, кто лишился возможности наблюдать за ней, группа очень чувствительна к информационным поводам. Разумеется, она включает в себя и владельцев сетевых аккаунтов, динамика оценки российских органов власти у которых также оказалась высокой.

Для более полного отражения сравнительной оценки будем использовать индекс сравнительной эффективности, полученный как отношение доли считающих российское государство и ее органы внутренних дел более эффективно воздействующими на ситуацию в стране к доле тех, кто отдает здесь приоритет «иностранным агентам». Если данный показатель больше единицы, значит, доля уверенных в эффективности государства выше, чем доля тех, кто отдает здесь предпочтение НКО. Если же предложенный индекс меньше единицы, значит, доля полагающих, что иностранное влияние эффективнее, больше, чем доля полагающихся на государство.

Рисунок 5 - Индекс сравнительной эффективности правительственных и некоммерческих организаций в оценках различных социальных групп

(в группах, Тольятти, ноябрь 2012 г.)

В целом по Тольятти индекс сравнительной эффективности в ноябре равен 3,50, т. е. на двух сторонников государства приходится семь сторонников гражданского общества (рис. 5). Среди молодежи этот индекс равен 2,26. Есть значимое различие в предложенном показателе между мужчинами и женщинами (3,08 и 4,08 соответственно). Вероятно, наименее эффективными государственные правоохранители оказываются в случае нарушения повседневных прав граждан, таких, как права потребителя, права детей, трудовые права, к которым относятся люди младших возрастов и женщины. На возможности государственной правоохранительной системы больше уповают занятые в государственном секторе экономики (4,08) и пенсионеры (4,00). А вот занятые в частном и муниципальном секторах испытывают к ней меньшее доверие, чем тольяттинцы в целом (3,09 и 2,54 соответственно).

Работники АвтоВАЗа значительно более среднего горожанина полагаются на государственные органы контроля над соблюдением законности – 5,78. Можно предположить, что заводчане высоко оценивают возможности российских учреждений для отстаивания своих прав и отдают приоритет отечественным силовикам.

Еще раз отметим, что, несмотря на, казалось бы, высокие оценки сравнительной эффективности, горожане оценивали эффективность российского государства на российской территории, т. е. суверена по сравнению с эффективностью иностранного государства, действующего на российской же территории и в интересах российских же граждан. И любая оценка, отличная от полного одобрения российского государства, уже выглядит как нелояльность собственных граждан, с одной стороны, и вотум недоверия в отношении к государству, с другой.

Надо сказать, что российская элита в общих чертах знает о своем «западничестве», т. е. приписываемой ей подчиненности условному «вашингтонскому обкому». Поэтому она стремится время от времени обозначить «антизападность», «антиамериканизм», публично акцентируя внимание общественного мнения либо на противоречиях между Россией и Америкой, т. е. между российской и американской элитами, либо на своей автохтонности, патриотичности, укорененности в традиционной культуре, представляя себя ее защитником. Так было в деле «Пусси Райот», в «деле Магнитского», в ходе принятия закона о запрете усыновления российских сирот гражданами США. При этом российская элита пытается опереться на народный антиамериканизм, уровень которого существенно завышает. Для элиты подчеркивание собственного антиамериканизма является не только важным элементом собственной идентичности, но и одной из небольшого числа возможностей найти общее с массовым российским избирателем. И чем глубже будет зазор между элитой и народной массой, тем активнее первая будет позиционировать свое противостояние с США и Западом в целом.

Литература

- 1 Звоновский В. Реализация репрезентативной выборки в массовом опросе // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 25–46.
- 2 Звоновский В. Собственный и привлеченный опыт освоения пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009 Т. XII. № 4. С. 49–66.

- 3 Zvonovsky, V. The new Russian identity and the United States. // Demokratizatsiya : The Journal of Post-Soviet Democratization. 2005. Vol. 13. No 1.